

38657. 1. 3. 229 ПУБЛИЧНАЯ

УФИМСКОЕ

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

Уфимской губерніи

И

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

НА 1911 ГОДЪ.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ
Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета..

У Ф А.
Губернская электрическая типографія.
1911.

ОЧЕРКИ ПРИУРАЛЬЯ.

Восточная часть Стерлитамакского уѣзда.

I.

Село Богоявленское.

1.

На довольно высокихъ холмахъ, окруженное цѣнью синѣющихъ горъ, широко разлеглось на лѣвомъ берегу рѣчки Усолки большое село Богоявленское.

Село зажиточное, и главнымъ источникомъ благосостоянія его служить заводъ, преобразованный лѣтъ восемнадцать тому назадъ изъ мѣдно-плавильнаго въ стекольный.

...„А по справкѣ въ Бергъ—коллегіи у вышепоказаннаго содержателя Ивана Твердышева съ компанейщикомъ его Мясниковымъ имѣется Оренбургской губерніи въ Уфимскомъ уѣздѣ внутри башкиріи мѣдишавиленные четыре завода, въ томъ числѣ Богоявленскій на рѣчкѣ Усолкѣ, который заводъ построенъ и въ дѣйствіе пущенъ въ 1752 году“.

Такъ значится въ Указѣ отъ 28 августа 1757 г., розысканномъ мною въ конторѣ завода, принадлежащаго теперь Пашковымъ.

Заводъ былъ не великъ, и старожилы еще помнятъ рвы и остатки валовъ, ограждавшіе его въ тѣ времена.

Никакихъ памятниковъ минувшаго въ селѣ не сохранилось; самое старинное зданіе въ немъ—это церковь, построенная въ 1795 году.

Но вокругъ села существуетъ цѣлый рядъ урочищъ, имѣющихъ за собой любопытное прошлое.

Въ пяти верстахъ къ востоку отъ села, не доѣзжая съ версту до знаменитыхъ Соленныхъ Ключей, бурно выбивающихся изъ подъ горы въ живописномъ ущельѣ, указываютъ мѣсто, на которомъ стоялъ древній Вознесенскій монастырь.

Когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ форпостъ православія въ такомъ далекомъ краю, почти на самой Нагайской дорогѣ, — неизвѣстно.

Остатки старинныхъ грамотъ, дошедшихъ до насъ, свидѣтельствуютъ, что уже въ XVI вѣкѣ при царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ монастырь былъ разоренъ башкирами, и изъ Москвы посылали монаховъ и деньги на восстановление и устройство его.

Въ послѣдній разъ и уже окончательно онъ былъ уничтоженъ во время Сеитовскаго бунта въ 1676 году.

Теперь ровное поле, перерѣзанное глубокимъ овражкомъ, гдѣ змѣится студеный родникъ, разстилается на мѣстѣ трагически погибшей обители. Только два заросшихъ рва съ едва замѣтными остатками валовъ указываютъ на существованіе чего то на мѣстѣ ихъ.

Противъ Соленыхъ Ключей, кстати сказать — уносящихъ ежегодно въ Бѣлую, по опредѣленію изслѣдовавшаго ихъ профессора геологіи Нечаева, одинъ милліонъ пудовъ соли, сохранились кое гдѣ въ землѣ ямы и чаны — остатки соляныхъ варницъ, существовавшихъ здѣсь со временъ монастырскихъ, до XVIII вѣка включительно.

Въ настоящее время Ключи заброшены и не эксплуатируются; цѣлебная вода и грязь ихъ пропадаютъ зря и подъ самымъ селомъ превращаются, благодаря запрудѣ, въ обширное болото, обильно снабжающее усольцевъ самыми разнообразными лихорадками.

Преданіе говорить, будто бы иноки, видя, что спасенія нѣтъ, и монастырь долженъ пасть, вырыли въ четырехстахъ локтяхъ отъ угла наружной стѣны глубокую яму, сложили въ нее все драгоцѣнности монастыря и, накрывъ ихъ спущеннымъ съ колокольни колоколомъ, заровняли землю. Монастырь былъ взятъ и разрушенъ, монахи погибли, но одинъ успѣлъ повѣдать кому то передъ смертью о кладѣ, не указавъ однако точно самаго мѣста.

Такъ сокровища и лежатъ; будто бы, до сихъ поръ въ землѣ подъ развалинами стѣны и церкви.

Наружный осмотръ урочища не даетъ никакихъ результатовъ: не увидѣло ни фундаментовъ, ни даже кирпичнаго щебня отъ стѣны, все свезено, по слухамъ, въ давнія еще времена на постройки въ село. Но возможно, что подъ покровомъ слоя земли отыщутся слѣды многострадальнаго монастыря и даже болѣе — слѣды Булгарскаго или Угорскаго городища, на развалинахъ котораго возникъ монастырь.

На томъ же мѣстѣ, по словамъ старожиловъ, стоялъ Пугачевскій станъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько выше монастырскаго урочища, на лѣсистомъ взлобѣ горы, именуемомъ Чертовымъ Городкомъ, былъ найденъ огромный старинный казанъ, а много позднѣе, по ту сторону Усолки, въ кустахъ у самой Нагайской дороги богомольцы отыскивали небольшой глиняный горшокъ съ мѣдными старинными деньгами.

Приблизительно въ верстѣ на сѣверъ отъ монастырскаго урочища, неподалеку отъ прихотливо изгибающейся рѣчки Усолки, высится среди пашни курганъ.

Размѣры его слѣдующіе: окружность 120 арш., поперекъ—отъ подошвы до подошвы—съ сѣвера на югъ—40 арш. и съ востока на западъ 35 арш., высота отъ материка около 1¹/₂ саж. Весь онъ заросъ густыми кустами чилизняка; на болѣе покатомъ сѣверо-восточномъ скатѣ имѣются двѣ глубокія впадины.

Для опредѣленія кургана, я углубился въ него траншеей изъ восточной впадины; подъ верхнимъ естественнымъ слоємъ чернозема, одинаковымъ съ окружающими полями, оказалась насыпь изъ рѣчвой гальки, крупнаго песка и мѣстами глины. Подъ насыпью обнаружился слой золы и углей толщиной отъ ¹/₄ до ¹/₂ аршина; въ этомъ слоѣ, наряду съ громадными головешками, отыскивались истлѣвшія и частью обгорѣвшія кости людей и животныхъ и черепки простой глиняной посуды. За золою шла прокалившаяся отъ огня глина, и залѣмъ начинался нетронутый материкъ изъ естественныхъ плитъ песчаника.

Кострище занимаетъ лишь восточную четверть кургана и было все вскрыто мной путемъ удаленія съ него сверху слоевъ земли; колодезь, заложенный въ западной части кургана, дошелъ до материка, но, кромѣ сплошной насыпной гальки, обнаружено ничего не было.

Рабочіе говорили, что на ихъ памяти вокругъ кургана шла широкая канава; при внимательномъ обзорѣнн, слѣдъ этого рва слегка намѣчается и въ настоящее время.

Курганъ—очевидное наслѣдіе древнихъ языческихъ временъ.

Къ сожалѣнію, отсутствіе какихъ-бы то ни было предметовъ въ немъ не даетъ возможности точно рѣшить вопросъ о происхожденіи погребеннаго въ немъ.

Во всякомъ случаѣ, картина происходившаго когда-то на мысу рѣки Усолки, среди дремучихъ лѣсовъ, ясна для насъ. Въ древности Усолка была значительно глубже и шире нынѣшней; на это указываетъ лѣвый берегъ древняго русла, возвышающійся обрывомъ надъ пашнями, захватившими теперь ложе древней рѣки.

Сожженіе умершаго происходило на отмели, бугромъ выдавшеяся изъ воды; объ этомъ свидѣтельствуесть материкъ, обнаруженный подъ золою и являющійся тиличнымъ повтореніемъ дна Усолки. Тоже подтверждаетъ и галька, составляющая всю толщину насыпи и находящаяся теперь на берегахъ рѣки и подъ пластомъ чернозема на мѣстѣ древняго русла.

На отмели былъ сложенъ высокій костеръ изъ огромныхъ плахъ, давшій такую массу слежавшеяся золы, и на него положены были тѣло умершаго, убитыя животныя и горшки съ пищей и съ нажитками.

Еще глѣвшій костеръ—это подтверждаетъ значительное количество углей и обугленныхъ древесныхъ плахъ—завалили тѣмъ, что имѣлось подъ руками, галькой, и погребеніе было окончено.

Способъ погребенія—тилично древне-славянскій, но дѣйствительно-ли заходили такъ далеко въ глубь Уфимской губ. по рѣкѣ Ыѣлой славяне—пока, до болѣе опредѣленныхъ находокъ, рѣшать не берусь; думаю только, что самая бѣдность обнаруженнаго погребенія подсказываетъ, что именно они похоронили своего вождя на берегу рѣки Усолки: въ пути не могло быть у нихъ съ собой ни большаго количества сосудовъ и никакихъ вещей, особенно любимыхъ умершимъ и обыкновенно погребавшихся съ нимъ. Слишкомъ большая близость кургана къ водѣ и размѣры его въ свою очередь указываютъ, что умеръ не мѣстный житель, стремившійся ближе къ горамъ, а кто-то изъ знатныхъ, путешествовавшій воднымъ путемъ.

Вскрыть былъ и другой курганъ. едва замѣтнымъ бугромъ выдающійся надъ полемъ, саженьяхъ въ 200-хъ къ югу отъ описаннаго, на взгорьѣ за древнимъ русломъ Усолки.

Въ немъ оказалась хорошо сохранившаяся нижняя часть горна кирпиче-обжигательной печи съ 3-мя топками; наверху были положены три ряда еще необожженныхъ кирпичей. Достать въ дѣломъ видѣ хотя-бы одинъ кирпичъ оказалось невозможнымъ: всѣ они разсыпались, какъ простой песокъ. Близость къ урочищу, на которомъ, по мѣстнымъ преданіямъ, когда то стоялъ монастырь (саженей 200), и единогласныя показанія старожиловъ, не слышавшихъ даже никогда о кирпичномъ заводѣ въ тѣхъ отдаленныхъ отъ села мѣстахъ, свидѣлствуютъ, что найденная старинная печь принадлежала погибшему монастырю.

Монастырю-же принадлежала и „Черненская изба“—урочище, находящееся у Нагайской дороги, при подъемѣ ея на такъ называемое „Высокое поле“. По преданіямъ, тамъ жили чернецы, и, вѣроятно, кромѣ избы, тамъ же находились и другія хозяйственныя постройки монастыря. Слѣдовъ отъ нихъ не уцѣлѣло.

По другую сторону села, въ полуверстѣ отъ южной околицы, почти на самой вершинѣ весьма пологой горы среди ровной зеленой степи, подымается цѣлая семья кургановъ. Одинъ изъ нихъ—восточный—высоко маячитъ со всѣхъ сторонъ; два другихъ—одинъ сѣвернѣе его и другой западнѣе—пониже, но тоже видны издалека; отъ тупого угла, составляемаго ими, безпорядочнымъ разбросомъ отходятъ къ югу еще девять насыпей, замѣтныхъ лишь при внимательномъ осмотрѣ мѣстности.

Зовутся здѣсь эти курганы „буграми“, и любопытно, что никто изъ жителей села, несмотря на многократные разспросы мои, даже не вспомнилъ о нихъ, и открыты они были мной совершенно случайно.

Мѣстность, гдѣ находятся они, двадцать лѣтъ назадъ вся была покрыта сплошнымъ лѣсомъ, остатки котораго, въ видѣ огромныхъ пней, видны и понынѣ на нѣкоторыхъ курганахъ.

Еще живы люди, встрѣчавшіе медвѣдей въ этомъ лѣсу, но ни преданій, ни какихъ либо свѣдѣній о причинѣ возникновенія „бугровъ“ въ народѣ не сохранилось.

Мною вскрыты были три кургана: самый большой, имѣющій сажени полторы въ вышину и 127 аршинъ въ окружности по подошвѣ, затѣмъ третій по величинѣ—ближайшій къ берегу оврага, въ которомъ протекаетъ „Калиновскій“ ключъ, и самый маленькій, чуть замѣтнымъ бугоркомъ выдавшійся возлѣ перваго.

За недостаткомъ времени и средствъ, раскопки произведены были неполныя—нудемъ углубленія въ середину кургановъ колодцами съ поперечнымъ сѣченіемъ въ 16 квадратныхъ аршинъ. Курганы оказались насыпными, но трехдневная работа не дала никакихъ результатовъ: въ саженномъ слоѣ насыпного чернозема и, затѣмъ, въ глиниѣ материка, прорѣзанной на два съ половиной аршина, не оказалось рѣшительно ничего: ни осколка кости, ни куска угля.

Что это за насыпи, для чего онѣ были сдѣланы въ нѣсомнѣнно весьма и весьма отдаленномъ прошломъ—отгадать пока невозможно. Вѣрно только то, что это не сторожевые курганы и не остатки укрѣпленія: для первыхъ они слишкомъ многочисленны и бессмысленны, такъ какъ съ горы видно далеко и безъ помощи ихъ; для втораго они расположены въ безпорядкѣ, не допускающемъ возможности устроить между ними какую либо связь.

Приблизительно въ верстѣ на югъ отъ села, въ ущельѣ, по которому пробѣгаетъ небольшая рѣчка Тюлькаетъ, по дорогѣ къ Поповымъ лугамъ, противъ третьей широкой горы имѣется небольшой курганъ, аршинъ двухъ съ половиной въ вышину и съ

легким проваломъ на вершинѣ. Крутомъ кургана густая чаща изъ лозняка и мелколѣся, совершенно закрывающая его отъ глазъ проѣзжающихъ.

2.

Л е г е н д ы .

Лѣтъ 30 тому назадъ, кто-то изъ мѣстныхъ крестьянъ рѣшилъ раскопать большой курганъ у рѣчки, чтобы добыть кладъ, скрытый въ немъ. Но только что углубился онъ немного въ землю, изъ него показался страшный бычище съ опущенными рогами. Мужикъ бросилъ лопату и давай Богъ ноги.

На высокой лѣвостой горѣ, поднимающейся надъ часовней, гдѣ явилась когда-то Табынская икона, имѣется будто-бы чудное озеро, видимое не каждому; а гдѣ начинается въ ущелье знаменитая Нагайская дорога, и гдѣ теперь стоитъ разбитый на-дняхъ молніей громадный, дуплистый тополь, тамъ когда-то была въ горѣ пещера разбойниковъ; по ночамъ видятъ теперь телляющуюся на мѣстѣ ея свѣчку. Тамъ лежитъ заговоренный кладъ, и только тотъ, кто знаетъ „слово“, сможетъ достать его изъ земли. этого самаго надежнаго банка чelовѣчества.

Названіе мѣстности, примыкающей вдобавокъ къ монастырскому урочищу, — „Чертовъ Городокъ“ — звучитъ странно, и причину его мнѣ не удалось узнать. „Нехорошее мѣсто“ — отзываются о немъ старожилы; существуютъ рассказы, что когда дорога проходила подъ самой горой (теперь она значительно дальше отъ нея), съ нея по ночамъ летѣли въ прохожихъ камни, слышались крики и стоны.

Одинъ изъ древнихъ стариковъ увѣрялъ, что видѣлъ на ней въ молодости, заложенный входъ подъ скалой, будто-бы онъ рубилъ тамъ подъ вечеръ съ бабами дрова и вдругъ увидалъ заросшую мохомъ и кустами изъ рѣчного плитняка стѣну. Но, когда прѣхалъ на другой день съ цѣлью попытаться проникнуть въ тайникъ, — не могъ отыскать его.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ основанія, на заводъ нагрянули шайки Пугачева; по рассказамъ стариковъ, онѣ расположились по Табынской дорогѣ и съ ближайшей горы обстрѣливали крѣико оборонявшихся защитниковъ завода; послѣдній далъ наконецъ выкупъ — нѣсколько возовъ мѣдныхъ денегъ, и осада была снята.

Чугунныя ядра разныхъ калибровъ, изрѣдка отыскивавшіяся въ прежнія времена въ чертѣ прежняго „городка“ и доставленные мнѣ въ небольшомъ количествѣ, подтверждаютъ, что дѣйствительно заводъ обстрѣливался.

Преданія говорятъ, будто крестьянинъ—сборщикъ, возившій деньги въ станъ Пугачева, утаилъ одинъ возъ и закопалъ его у себя во дворѣ. Дворъ этотъ извѣстенъ и до нынѣ, и правнуки сборщика не разъ пытались найти зарытый кладъ, но раскопки ихъ оказались безрезультатными.

Древняя слѣпая старушка Акулина Вѣрушкина вела со мной слѣдующую бесѣду:

Не могъ взять завода Пугачевъ то: Господь не допускалъ. Какъ пойдетъ онъ брать—тьма сейчасъ дѣлалась. Такая тьма, что ничегошеньки увидать нельзя было. Поищеть, побродить Пугачъ и назадъ уйдетъ. Мѣсяца два здѣсь такъ-то вотъ бился и ничего подѣлать не могъ. Жену здѣсь себѣ взялъ, изъ нашихъ-же, изъ заводскихъ дѣвокъ. Въ зеленомъ платьѣ всегда ходила, идетъ это, бывало, по улицѣ и не глядитъ ни на кого; своихъ узнавать перестала, вотъ какая гордыня нашла!

— А казанъ, про который ты спрашиваешь, мужъ мой, покойникъ, нашелъ, да. Много тому годовъ прошло! На горѣ, въ Чертовомъ Городкѣ, нашелъ его. Лошадь искалъ въ лѣсу, а глядь, въ кустахъ чернѣетъ что-то. Подошелъ—край будто какой-то; сталъ тащить къ себѣ, анъ это котель большуицъ изъ земли торчитъ. Нести не въ мочь было; онъ поймалъ лошадь, привязалъ его къ ейному хвосту, да такъ и приволокъ домой. И по сейчасъ тотъ котель цѣлъ, на пчельникѣ онъ у насъ.

— Что-же, не копалъ больше твой мужъ тамъ, гдѣ нашелъ котель?

— Копалъ, вдвоемъ они сейчасъ-же пошли, да нѣтъ, ничего не далось больше. А есть тамъ клады, вѣрно, что есть!

— Почему ты такъ думаешь?

— А потому: стали они копать то мѣсто, дѣло къ ночи ужъ было, а изъ него страшуицъ змѣй выползъ. Мужики со страху чуть не попадали и ну бѣжать скорѣй! Въ другой разъ пришли—коровы огромныя, страшныя, изъ лѣсу на нихъ выставились, да дурнымъ голосомъ какъ закричатъ! Мужики опять убѣгли, такъ и не пошли туда больше!

А еще въ горѣ, что у завода, подъ Бѣлымъ камнемъ. пещера здѣсь есть, глубокая пещера. Тамъ въ самой глуби-то ея бочка съ деньгами на цѣпяхъ виситъ.

— Почему-же не возьмутъ ее оттуда?

— Нельзя; караулятъ ее. Стоитъ будто похужее на солдата съ ружьемъ около и не допускаетъ никого. Пробовали иные смѣльчаки добывать ту бочку.—да кто ни ходилъ, всѣ безъ памяти вернулись. Такъ и остались безъ понятія на всю жизнь!

Русскій поселокъ на берегахъ Усолки появился несомнѣнно ранѣе завода, и время возникновенія его можно приблизительно опредѣлить по находимымъ въ селѣ въ довольно значительномъ количествѣ монетамъ. Всѣ онѣ XVIII и XIX столѣтій, при чемъ самая старая изъ нихъ—полушка 1740 года—свидѣтельствуесть о временахъ Анны Иоанновны и ея недолговѣчнаго преемника Императора Иоанна Антоновича.

Всѣ находимыя здѣсь въ землѣ монеты—мѣдныя; преобладаютъ деньги Императора Павла и Александра I, что объясняется не большимъ благосостоянiемъ крестьянъ въ ихъ времена, а предразсудкомъ, широко распространеннымъ по всей Россіи: существуетъ повѣрье, что старая мѣдь обладаетъ особо цѣлебными свойствами отъ пораненій и ушибовъ, и множество Елизаветинскихъ и Екатерининскихъ огромныхъ пятаконъ и „денегъ“ превращено напильникомъ въ порошокъ и ушло на перевязку ногъ лошадей и коровамъ. Слѣдующія поколѣнія уничтожатъ въ свою очередь „цѣлебную“ Павловскую и Александровскую мѣдь!

Пришлое съ помѣщиками населеніе принесло съ собою ко взгорьямъ Урала и „родительскія благословенія“—старинныя потемнѣлыя иконы Московско-Владимірскаго письма и древніе мѣдныя кресты-распятія.

О женскихъ головныхъ уборахъ, вышивкахъ и вообще ни о какой старинной утвари здѣсь и не слыхивали, что въ свою очередь указываетъ на бѣдность пригнаннаго когда то сюда крѣпостнаго люда.

Старинныя иконы, пересмотрѣнныя мною въ значительномъ числѣ, всѣ писаны не ранѣе начала XVIII вѣка, но среди крестовъ и мѣдныхъ образовъ—складней, съ грубыми рельефами на нихъ, попадаются восходящія къ XVII и XVI вѣкамъ.

Кресты эти, давно уже вытѣсненные деревянными иконами, употребляются теперь крестьянами только для вкладыванія въ руки покойникамъ.

Вотъ и вся старина, сохраняющаяся пока въ избахъ и домикахъ села Усолья. Боголюбенское тожъ. Говорю „пока“, такъ какъ старыя, затемнѣвшія иконы, по мѣрѣ приобрѣтенія новыхъ, обыкновенно „спускаютъ на воду“, т. е. иными словами отправляютъ ихъ въ рѣки, или же, за отсутствіемъ послѣднихъ, „выносятъ подъ напесть“, въ курятники.

Въ лингвистическомъ отношеніи какъ Богоявленское населеніе, такъ и Табынское нѣсколько отличаются отъ центральныхъ губерній.

Особенности говора ихъ слѣдующія:

Разбираться	вмѣсто	раздѣваться.
Хлѣбъ затѣвать	»	ставить.
Получайте	при угощеніяхъ	
	вмѣсто	берите.
Пещора	вмѣсто	пещера.
Айдате	»	пойдемте.
Борки	»	бусы
Извяска	»	известка.
Калачъ	»	бѣлый хлѣбъ.
Клупка	»	насѣдка.
Щерба	»	уха.
Рыбалка	»	рыбная ловля.
Взять	»	вышить.
Мельтешить	»	мелькать, частить.
Шабры	»	сосѣди.
Рычагъ	»	палка.
Бучить	»	гудѣть, звучать.
Лукаться	»	кидаться чѣмъ либо.
Казаться	»	нравиться, хотѣться.
Кутасъ	»	балаболка, ботало.
Зѣвать	»	кричать.
Кстины	»	крестины.
Шутя	»	возможно, можетъ быть.
Васейко	»	недавно, на дняхъ.
Бусырь	»	прицуръ.
Мослы	»	кости.
Бусый	»	цвѣтъ, близкій къ чалому, но бѣлѣе его.
Курунъ	»	индюкъ.
Курушка	»	индюшка.

Заговоры.

1.

Отъ бородавокъ.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Бородавка, бородавка бородавка, тебя лукъ зоветъ, на вѣкъ въ гости ступай.

(При этомъ смазываютъ бородавку сокомъ отъ луковой головки)

2.

Отъ тоски.

Быстрая рѣченъка, не знаешь ты ни тоски, ни печали, ни скорби, ни болѣзни! Возьми у меня тоску и печаль, унеси въ сине море, въ кить рыбу.

3.

Отъ потери молока коровами.

Бусая коровушка молочко потеряла. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Слава Тебѣ, Господи: бусая коровушка молочко нашла и снимокъ (сливки).

Р. С. Здѣсь существуетъ обычай мѣтить весной свиней и затѣмъ выгонять ихъ въ громадные лѣса, окружающіе село; возвращаются онѣ изъ нихъ лишь осенью; за лѣто свиньи размножаются, откармливаются и дичаютъ до того, что встрѣча съ ними становится не безопасною. Поросенокъ осенью приходитъ въ видѣ двухъ—пудовой свиньи, и, благодаря такому приволью, количество этихъ тварей здѣсь необычайное; многіе стоняютъ въ лѣсъ съ одного двора по тридцати и болѣе головъ; количество же дворовъ въ обоихъ селахъ, Табынскомъ и Богоявленскомъ, примыкающихъ къ этому лѣсу,—около полуторы тысячъ. Осенью устраиваются облавы, и крестьяне загоняютъ свиней по селамъ, гдѣ и производятъ разборку ихъ.

II.

Т а б ы н с к ъ .

Табынскъ—имя извѣстное въ исторіи Уфимскаго края. Но напрасно изслѣдователь, пріѣхавъ въ нынѣшнее село Табынскъ, сталъ бы искать въ немъ какихъ либо остатковъ старины.

Ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ даже той земли, на которой стояли въ началѣ XVIII вѣка монастырское село и пристань для погрузки соли съ Усольскихъ варницъ: берегъ этотъ давно разрушенъ и унесенъ волнами Вѣлой.

На сколько быстро идетъ процессъ разрушенія очень высокаго праваго берега—рисуетъ показаніе старожиловъ. На памяти огромнаго числа ихъ за послѣдніе полвѣка Вѣлая срыла полосу до ста сажень шириною; рѣка теперь течетъ по мѣстамъ прежнихъ улицъ; улицы были даже за нынѣшней рѣкой—тамъ, гдѣ теперь желтѣетъ пустынная отмель, заросшая лозой и вересткомъ.

Пройдетъ еще полвѣка, и если не будутъ приняты мѣры къ укрѣпленію берега, въ Вѣлую рухнетъ и каменный храмъ (построенъ въ 1848 г.) съ чудотворной иконой, привлекающей въ 9-ю пятницу послѣ святой десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ губерніи.

Но самое древнее, самое интересное мѣсто перваго поселенія русскихъ людей въ этомъ краю уцѣлѣло: оно верстахъ въ 4 отъ села, подъ Воскресенской горой.

Называется оно Ольшанскимъ бугромъ.

Дорога къ нему ведетъ ровными, какъ ладонь, полями и передъ тѣмъ, какъ оборваться ей въ глубокой оврагъ, гдѣ журчитъ не видная глазу, вся закутанная зелеными купами деревьевъ, рѣчка Воскресенка, вы увидите не высокіе валы и почти заровнявшіеся рвы древняго городка.

Онъ былъ не великъ.

По краю оврага, премыкающему къ нему съ сѣверо-востока, затѣмъ—со стороны поля съ юго-востока и съ сѣверо-запада длина валовъ по 95 арш., и только сторона, глядящая на нынѣшнее Табынское, имѣетъ 84 арш. Въ серединѣ послѣдней хорошо замѣтенъ прорѣзъ воротъ. На восточномъ, южномъ и западномъ углахъ видны квадратныя площадки башенъ, обстрѣливавшихъ продольно рвы; съ сѣверной стороны башни не было; на это указываетъ ровъ, не упирающійся, какъ въ другихъ углахъ, въ площадку, а спущенный прямо въ оврагъ.

Вся внутренность древней крѣпостцы вспахана, и только въ восточномъ углу сохранились слѣды отъ четырехъ ямъ, при чемъ одна довольно значительныхъ размѣровъ. Слѣдовъ какихъ либо развалинъ не имѣется, да ихъ и не могло быть: крѣпостца, выросшая, какъ грибокъ, среди вѣковыхъ дубовыхъ лѣсовъ, была несомнѣнно деревянная, на что указываютъ въ свою очередь и типичныя площадки отъ башенъ. Крѣпостей подобнаго типа казакъ продвинули въ Сибирь множество.

Раскопокъ въ этомъ древнемъ Табынскѣ не производилось, но случайныя находки изрѣдка бывали. Одинъ семидесяти-лѣтній старикъ принесъ мнѣ круглое чугунное ядро около полупуда вѣсомъ, выпаханное около вала, еще во дни младенчества старика, отцомъ его.

В. Черемшанскій, авторъ сдѣлавшагося теперь библиографической рѣдкостью „Описанія Оренбургской губерніи“, изданнаго въ Уфѣ въ 1859 году, совершенно невѣрно относитъ основаніе этой крѣпостцы къ 1735 году; возможно, что генеральтъ Кирилловъ возобновилъ ее въ этомъ году, но время возникновенія ея несомнѣнно гораздо древнѣе: есть данныя отнести основаніе ея къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго. Совпаденіе именъ горы, рѣчки и монастыря тоже не могутъ быть случайными и заставляютъ предполагать какую-то связь между ними; вѣроятнѣе всего, въ крѣпостцѣ существовали церковь и подворье монастыря.

Прямо за оврагомъ почти отвѣсной стѣной подымается Воскресенская гора.

Это—длинная, кудрявая отъ кустовъ, громада, повышающаяся отъ сѣвера на востокъ и кончающаяся какъ бы высокой остроконечною шапкой, именуемой Шиханомъ. Всѣхъ вершинъ, считая въ томъ числѣ и маленькія, семь, и самая отвѣсно высокая изъ нихъ—каменный Шиханъ. Отъ Шихана узкою полоскою, четверти въ двѣ и менѣе шириною, круто спадаютъ внизъ, къ юго-востоку, поставленные на ребра пласты известняка.

Видъ на горы и на окрестности Бѣлой развѣтывается съ вершины поразительный!

Неподалеку отъ Шихана едва замѣчаются три совершенно круглыя насыпи, съ легкими провальцами по серединамъ.

Вершину Воскресенской горы занимала въ старину нагайская крѣпость. Табынскъ былъ значительно ниже за оврагомъ, и русскимъ приходилось много терпѣть отъ стрѣлъ башкиръ. Взята она была обходомъ по оврагу послѣ долгаго и упорнаго боя.

Со стороны, противоположной оврагу, гора значительно покатѣе, и почти три четверти высоты ея залило теперь зеленое

море ржи. Но и съ той стороны брать ее было трудно: вся верхняя часть ея опоясана была тремя ярусами валовъ и рововъ, снабженныхъ несомнѣнно въ тѣ времена еще и частоколами.

Параллели валовъ сохранились, явственно и четко намѣчаются среди кустовъ и травы.

Кромѣ трехъ могилъ, или можетъ быть засыпавшихся ямъ, никакихъ другихъ слѣдовъ внутри горной крѣпости не имѣется.

Далеко ниже ея, на сѣверо-западъ, на скатѣ горы, обращенномъ къ Табынску, есть провалъ, ведущій въ глубокія пещеры.

Первая просторная и высокая; пробраться дальше можно теперь лишь почти ползкомъ, протискиваясь въ подзасыпавшійся узкій проходъ; изъ второй, тоже довольно обширной, пещеры прохода въ настоящее время нѣтъ: его завалилъ не такъ давно упавшій камень.

Свѣча въ нихъ горитъ желтымъ, тусклымъ огнемъ, и надо почти вилотную подносить ее къ стѣнамъ, чтобы разсмотрѣть неровность ихъ.

По рассказамъ бывавшихъ въ ней, длина подземныхъ галлерей очень велика и еще не изслѣдована, такъ какъ свѣчи гасли, по мѣрѣ углубленія въ нихъ: очевидно, откуда-нибудь просачивается углекислота.

Тишина и безлюдье теперь и на Воскресенской горѣ и въ кипѣвшемъ когда то жизнью старомъ Табынскѣ. Только пѣсни жаворонокъ звенятъ надъ ними, да чуть шумитъ внизу оврагъ, полный дубовъ и осокорей.

III.

Кармышевская волость.

Центръ этой волости—огромная деревня Янгискаиня, расположенная на высокомъ, круто-обрывистомъ берегу надъ широкой и быстрой рѣкой Зиганомъ, въ тридцати верстахъ отъ уѣзднаго города Стерлитамака, или вѣрнѣе—Усть-Тюрли-Тамака, т. е. „устья трехъ рѣкъ“.

Къ свѣдѣнью г.г. палеонтологовъ, добавлю, что всѣ рѣки этой части уѣзда, не только Бѣлая и Зиганъ, но и большія, вродѣ Усолки, весьма часто вымываютъ изъ береговъ своихъ бивни, зубы, ребра и др. останки такъ называемыхъ „допотопныхъ“ животныхъ—мамонтовъ и т. п.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ обвалившейся кручѣ праваго берега р. Бѣлой, приблизительно въ верстѣ отъ деревни Курмантаевой (Кси-Табынской волости), открылся скелетъ громаднаго

ископаемаго; по измѣренію мѣстныхъ жителей, въ немъ было девяносто четыре аршина въ длину; ребра достигали размѣра восьми аршинъ.

Открывшій скелетъ рыбакъ сообщилъ о находкѣ полиція, но послѣдняя, къ сожалѣнію, палеонтологіей не интересуется и прибыла на мѣсто лишь черезъ 3 года. Къ этому времени отъ драгоцѣннаго скелета ничего, кромѣ пары костей, не осталось: все успѣло рухнуть въ Бѣлую и все унесено ея волнами.

Не такъ давно Зиганъ выкинулъ на отмель близъ деревни Тугаевой ребро мамонта, хранящееся теперь у меня.

Крайне интересная находка была сдѣлана нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ села Бурунова (основано въ 1814 г.); тамъ, на хуторѣ землевладѣлицы А. Н. Падуровой, на краю оврага, по которому протекаетъ рѣчка Базики, обнаружены были въ красной глинѣ кости мамонта; самыя кости окружала зеленоватая прослойка. Неподалеку отъ костей—былъ найденъ кремневый топоръ каменнаго вѣка.

Я осматривалъ какъ самыя находки, хранящіяся и по сейчасъ у владѣлицы ихъ А. Н. Падуровой, такъ и оба берега Базики, бывшей когда то многоводной рѣчкой; какъ кости, такъ и топоръ отысканы на древнемъ высокомъ берегу.

Если добавить къ этому, что хуторъ Падуровой находится всего верстахъ въ шести отъ двухъ огромныхъ горъ, встающихъ среди равнины надъ Бѣлой, а именно—Купшъ-Тау (долгая) и Юрактау (сердце—гора), въ которыхъ имѣются пещеры (въ послѣдней близъ вершины), то само собой открывается страничка изъ жизни доисторическаго человѣка, обитавшаго въ пещерахъ и охотившагося на мамонтовъ въ долинѣ Бѣлой рѣки.

Янгискаинъ, въ переводѣ на русскій языкъ „одна береза“, по мѣстнымъ преданіямъ, названъ такъ потому, что когда, послѣ взятія грознымъ царемъ Казани, часть татаръ переселилась въ эти края, они нашли на мѣстѣ нынѣшней деревни сплошной, громадный березовый лѣсъ.

Съ юго-востока на Янгискаинъ, словно высокія синія волны, набѣжали прихотливо изогнутыя цѣпи лѣсистыхъ горъ; позади него, далеко за зеленой равниной, встаютъ обнаженные каменистыя громады двухъ горъ, сторожащихъ Стерлитамакъ. Одна изъ вершинъ юго-восточной цѣпи носить название Караулъ-тау; имя это—Сторожевой горы—получила она во времена Пугачева, очень еще памятнаго въ этихъ мѣстахъ. На ней, по преданіямъ, стояли застава и караулъ „Пугача“.

Янгискаинъ перерѣзанъ глубокимъ оврагомъ, по дну котораго извиается ручеекъ; на лѣвомъ берегу его, если стать ли-

цомъ къ Зигану, произведены были мною развѣдки, и на глубинѣ около аршина, среди кучки угля и давно перегнившаго угля, найдены четыре мѣдныя бляхи: одна большая, овальная, нагрудная съ накладнымъ рельефнымъ орломъ типа временъ Елизаветы и три трехъугольныхъ, въ видѣ щитковъ съ изогнутой верхней линіей и съ рельефными вензелями императрицы.

Костей и вообще ничего болѣе на мѣстѣ загадочной находки не оказалось.

Верстахъ въ четырехъ отъ деревни Утяковой, за рѣчкой Зиганомъ, на высокомъ плато встаетъ среди засѣянныхъ рожью полей небольшой, сажени полторы въ вышину, курганъ. Сейчасъ же за нимъ, отдѣленная отъ него дорогой и небольшою полоскою поля, зеленѣютъ двѣ луговинки съ едва замѣтными слѣдами могилъ.

Курганъ ограбленъ: объ этомъ свидѣлствуетъ большая воронка, вырытая почти до материка отъ вершины его. Старожилы ни кладбищъ, ни какихъ либо раскопокъ кургана не помнятъ; существуетъ даже легенда, что яма образовалась въ немъ отъ того, что туда провалился какой то скупецъ, разгнѣвавшій своею скаредностью Аллаха. Глухое преданіе гласитъ о какомъ то нагайскомъ „царѣ“, будто бы похороненномъ въ этомъ курганѣ.

Какихъ временъ могилы вокругъ убы (уба-по татарски могила)-никто не помнитъ. Во всякомъ случаѣ, курганъ заслуживаетъ изслѣдованія, и если даже онъ и былъ ограбленъ въ старину, то старинные грабители всегда оставляли послѣ себя много ненужнаго для нихъ, но любопытнаго для насъ.

Болѣе интересная группа кургановъ находится между дер. Кутлугузиной и Инзелгой; если ѣхать изъ послѣдней, то справа, въ двухъстахъ шагахъ отъ дороги, немного не доѣзжая до стариннаго татарскаго кладбища, виднѣются среди поля насыпные бугры; ниже ихъ лежитъ небольшое, совсѣмъ почти заросшее озеро—Кашлау-Куль.

Всѣхъ кургановъ шесть; всѣ они запаханы, кромѣ самого большого, имѣющаго 42 аршина по окружности подошвы; этотъ большой курганъ ограбленъ, но весьма въ давнее время; отъ вершины до уровня горизонта въ немъ вырыта глубокая воронка. На западѣ отъ него расположено четыре кургана и сѣвернѣе—одинъ курганъ.

Никакихъ преданій о нихъ среди мѣстнаго населенія не сохранилось: народная память въ здѣшнихъ краяхъ знаетъ только Пугачева и всѣ курганы частью несомнѣнно ошибочно относятъ къ его временамъ.

IV.

Кси-Табынская волость.

Кургановъ въ Кси-Табынской волости не имѣется; тѣмъ не менѣе, по количеству находокъ, она богаче Кармышевской и имѣеть вполне определенное поле, на которомъ когда то происходила битва. Поле это на высокой горѣ Ташъ-Башъ, близъ д. Кулкановой: въ осыпи обрыва этой горы не разъ находили человѣческія кости, стремена и наконечники стрѣлъ и копій. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей нашелъ даже кость отъ пальца съ золотымъ кольцомъ на ней и ржавую саблю, но, къ сожалѣнію, всѣ эти находки исчезли безслѣдно.

Гора имѣеть видъ громадной французской буквы S, словно обрѣзанной съ внутренней стороны гигантскимъ ножомъ; ее огибаетъ узкая рѣчка Упя; надъ нею почти отвѣсною, желтою стѣною, сплошь устланной какъ бы черепками битой бурой посуды, изгибается все повышающійся отъ равнины обрывъ Ташъ-Бапа — въ переводѣ „каменной головы“; осыпь обрыва и вся подпочва горы — изъ мелкаго плитняка.

Видъ съ вершины Ташъ-Бапа на оврагъ, гдѣ змѣится рѣчка, на дуга за нею и горную цѣпь, встающую на югѣ, — замѣчательный.

Мѣстные преданія единогласно говорятъ, что на горѣ этой происходило когда то сраженіе; я спрашивалъ стариковъ, и показанія большинства сводились къ тому, что тамъ происходила битва съ Пугачевымъ; другіе относили ее къ болѣе древнимъ временамъ.

За д. Юзименовой, на Большой Каранской дорогѣ находится могила какого то балуана (богатыря); преданіе говоритъ, что онъ былъ убитъ въ сраженіи во времена Пугачевского бунта; на могилѣ его, прижавшейся къ самой дорогѣ, торчитъ осколокъ сѣраго песчаника; за нею стелится небольшой лужокъ, не запахи-ваемый башкирами, такъ какъ, по ихъ словамъ, тамъ происходилъ бой, и погребены убитые.

Кромѣ этихъ, осмотрѣнныхъ мною, могилъ, по рассказамъ башкиръ, въ лѣсу на горѣ Курмантау, близъ деревни того же имени и на горѣ Магашъ (арабское слово, значитъ „жизнь“), находятся квадратные оконы; самъ я ихъ еще не видалъ, и остатки ли это древнихъ укрѣпленныхъ мѣсть или же могилы какихъ нибудь мѣстныхъ святыхъ — не беруся опредѣлять.

Таковая имѣется близъ д. Усмановой; тамъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ дороги виднѣется едва замѣтный бугоръ, съ растущими на немъ шестью дубами; между ними замѣтно продолговатое углубленіе въ землѣ. Дубы огорожены квадратомъ,

въ видѣ колодезнаго сруба изъ положенныхъ въ три ряда другъ на друга дубовыхъ плахъ.

—Большой святой здѣсь лежитъ, очень святой!—поясняли сопровождавшіе меня башкиры—въ девять аршинъ ростомъ!

Кромѣ перечисленныхъ выше находокъ, въ Кси-Табынской волости случались и другія.

Такъ у деревни Ново-Зириковой крестьянинъ А. Прокопьевъ, распахивая весной 1910 г. близъ рѣки Кузгаулъ бывшую башкирскую землю, наткнулся на чугунныя ядра, калибромъ около одного вершка. Раскопки въ томъ мѣстѣ никакихъ результатовъ не дали; ядра лежали кучкой, всего ихъ оказалось двадцать штукъ. Находка свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ проходѣ въ тѣхъ мѣстахъ Пугачевскихъ войскъ: ядра эти—точная копія тѣхъ, которыми обстрѣливался Богоявленскій заводъ.

V.

Свѣдѣнія о другихъ волостяхъ.

Могу подѣлиться съ читателями отрывочными свѣдѣніями, касающимися и другихъ волостей губерніи.

Такъ, въ Бишаулъ-Унгаровской волости, Уфимскаго уѣзда, близъ д. Улукулевой по р. Симъ находятся пещеры, и видны валы и рвы укрѣпленія; есть смутныя преданія, что въ томъ мѣстѣ жилъ ханъ, но какой и когда—татары мнѣ не могли назвать; вѣроятно, онъ и погребенъ въ курганѣ, находящемся тамъ и еще не тронутомъ, по словамъ тѣхъ же татаръ.

При впадении р. Куганака въ Бѣлую виднѣются нѣсколько ямъ и почти сравнявшійся съ пашней бугоръ; преданіе повѣствуетъ, что на томъ мѣстѣ жили въ старину, среди вѣкового лѣса, разбойники; ютились они въ землянкахъ, награбленныя же сокровища хранили въ глубокихъ подземельяхъ; ямы, будто бы, являются остатками этихъ жилищъ, а сокровища такъ и лежатъ до сихъ поръ въ тайникѣ подъ землей.

Въ Бишкаиновской волости я лично осматривалъ любопытные остатки древняго укрѣпленія, сохранившіеся около большаго села Нагадака.

Сейчасъ же за плетнемъ, огораживающимъ задворки строеній причта, въ небольшой ложбинкѣ, превращающейся около церкви въ довольно глубокій оврагъ, зеленѣетъ роща, приблизительно изъ полусотни, или сотни старыхъ, развѣсистыхъ березъ,—Кереметь.

Этотъ лѣсокъ—остатокъ священной рощи чувашей, пользующійся и до сихъ поръ большимъ уваженіемъ у нихъ: чуваши

не рубятъ въ немъ ни сучка и, въ случаѣ болѣзни, или какого либо несчастія въ семьѣ, приходятъ въ него и бросаютъ березамъ деньги. Въ старину въ этой рошѣ происходили уйчюки (полевая моленія), и приносились жертвы.

Лѣвѣ роши, на самой вершинѣ весьма отлогой горы, по склону которой вытянулся Нагадакъ, четко обозначается курганъ. Кругозоръ съ него открывается широкій. Это—большая, овальная насыпь, аршинъ двухъ вышиною, съ окружностью по подошвѣ въ 168 аршинъ и съ діаметрами по верху въ 60 и въ 75 аршинъ. Съ восточной стороны ея замѣтенъ длинный прорѣзъ, какъ бы засыпавшійся въѣздъ въ ворота; южнѣе прорѣза находится на насыпи не глубокой провалъ; еще двѣ подобныхъ же небольшихъ ямы видны на южной и на сѣверной сторонѣ.

Насыпь эта во всякомъ случаѣ, какъ единственная въ своемъ родѣ на пространствѣ четырехъ волостей, заслуживаетъ тщательной расчистки и расковки. Не малый интересъ придаетъ ей и мѣстоположеніе ея близъ священной роши.

Насыпь пробовалъ копать кто то изъ мѣстныхъ жителей, и вырытая имъ яма, аршина полтора глубиною, видна ближе къ сѣверной сторонѣ; въ ней найдены были уголь и какія то кости.

На сѣверо-западъ отъ насыпи, шагахъ въ двухъстахъ отъ нея, чуть намѣчается подъ пашней курганчикъ. Мѣстныя преданія гласятъ, будто и насыпь и курганъ—остатки отъ Пугачевскихъ временъ; возможно, что Пугачевскія шайки заглянули и въ эту крѣпостцу, состоявшую по всеѣмъ признакамъ изъ круглага вала и частокола на немъ, но время основанія ея несомнѣнно гораздо древнѣе.

Въ Дуванъ-Табынской волости, надъ небольшой башкирской деревушкой, Ташъ-Асты, какъ бы втянувшейся въ чрезвычайно живописное ущелье, по которому выходитъ изъ горъ широкій, синій Зилимъ, возвышается громадная гора Уклогая.

Въ осыпяхъ ея изрѣдка попадаются желѣзные наконечники стрѣлъ и человѣческія кости; пару такихъ наконечниковъ—одинъ широкій и одинъ узкій—мнѣ удалось купить у отыскавшихъ ихъ башкирятъ.

Мѣстныя преданія гласятъ, что тамъ, на вершинѣ Уклогая, находилось какое то укрѣпленіе, но отъ него не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Кому принадлежали въ старину эти укрѣпленія, кто сражался и жилъ въ этихъ краяхъ—откроютъ дальнѣйшія работы по исторіи края.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ башкиръ, въ Ильчикъ Темировской волости, близъ д. Караягановой, въ мѣстности Тротау, находится надъ р. Вѣлой курганъ, въ которомъ похоро-

ненъ киргизскій владыка Тхоханъ. На томъ мѣстѣ, по преданіямъ, стояла кочевка его, и тамъ же творились судъ и расправа.

По такимъ же свѣдѣніямъ, близъ с. Зиргана, Табулды-Карагусевской волости, имѣется курганъ, окруженный камнями; его пробовали раскапывать, и при этомъ будто бы были найдены остатки оружія, но полного разслѣдованія кургана произведено не было.

Близъ д. Кузяновой, Макаровской волости, расположено поле, на которомъ, по рассказамъ башкиръ, въ прежнее время валялось множество человѣческихъ костей; попадаются онѣ и теперь при распашкѣ. Мѣстныхъ преданій, кромѣ, разумѣется, указаній на Пугачева, о причинѣ находженія тамъ этихъ костей не сохранилось.

VI.

Озера и рѣки.

Уфимская губернія — это цѣлая сказочная страна, вмѣщающая въ себѣ и степи и лѣса и горы, полная цѣлебныхъ ключей, рѣкъ, выбѣгающихъ изъ земли, пещеръ, загадочныхъ озеръ и имѣющая покрытое еще туманомъ прошлое.

Около д. Куллярво, Дуванъ-Табынской волости, находится небольшое, но очень глубокое озеро, періодически исчезающее, по рассказамъ стариковъ. Оно имѣетъ видъ громадной воронки, настолько глубокой, что церковь, поставленная въ ней, достигла бы своимъ крестомъ лишь до уровня береговъ ея; въ самой серединѣ воронки вода держится постоянно, и глубина ея въ томъ мѣстѣ большая. Уходъ воды сопровождается гуломъ и шумомъ; озеро какъ бы вскипаетъ, и въ обнажающихся берегахъ начинается крутиться бурный водоворотъ. Проходятъ года, берега зарастаютъ травой, по дну озера, вокругъ небольшого остатка воды, бродить скоть, ходятъ люди, и вдругъ въ одинъ прекрасный день, начинается слышаться подземный гулъ; вода быстро прибываетъ, опять начинается ревътъ и крутиться водоворотъ, и черезъ нѣсколько часовъ озеро сравнивается съ берегами и лежитъ зеркальное и прозрачное, словно отдыхающее послѣ дальняго и труднаго пути своего.

Такъ рассказываютъ старожилы. По ихъ словамъ, въ Белебеевскомъ уѣздѣ имѣется такое же озеро, и время ухода и прихода его всегда совпадаетъ съ обратными явленіями въ Кулляровѣ.

Не меньшій интересъ представляетъ горная рѣчка Ревзякъ, пробирающаяся среди отвѣсныхъ скалъ по дну глубокаго, заросшаго густымъ лѣсомъ, ущелья.

Близъ деревни Исикѣевой, тамъ, гдѣ расположены лѣтнія кочевки башкиръ, рѣка эта, шумно бѣгущая по камнямъ, вдругъ

как бы останавливается у ногъ наблюдателя, превращается въ почти круглый, медленно идущій въ берегахъ своихъ, водоворотъ и исчезаетъ подъ землею.

Саженьхъ въ 200—300 ниже она снова вырывается на свѣтъ Вожій изъ-подъ горы и широкимъ веселымъ потокомъ мчится опять по ущелью.

Почти такую же картину даетъ и рѣчка Сиказя, протекающая въ той-же, Макаровской, волости. Не доходя нѣсколько сажень до выселка Макаровскихъ башкиръ — Куръ-Караукъ-Тамака, рѣчка широкую полосою уходитъ подъ скалу, громаднымъ отвѣсомъ возвышающуюся надъ ней, и черезъ 8 или 9 верстъ снова выбѣгаетъ изъ подъ такой же горы близъ Макарова.

Горы здѣсь вообще изобилуютъ водой и нигдѣ, ни въ Крыму, ни на Кавказѣ, мнѣ не приходилось наблюдать родниковъ такой силы и въ такомъ количествѣ, какъ въ этихъ мѣстахъ.

Особенно любопытенъ источникъ Беркамуть, находящійся между д. д. Хазиновой и Азнаевой, справка у входа въ ущелье.

На небольшомъ выступѣ первой же горы, нѣсколько выше подошвы ея, расположенъ водоемъ съ чистѣйшей, какъ хрусталь, водою, имѣющій видъ равнобедреннаго трехъ-угольника сажень трехъ по каждой сторонѣ. Глубина его къ серединѣ аршина $1\frac{1}{2}$ и максимумъ 2: дно завалено крупными, круглыми камнями.

Если взглядишься въ поверхность этого, столь незначительнаго на видъ, водоема, увидишь, что вся она въ буграхъ отъ напора воды снизу; неподалеку расположена мельница, и на два колеса ея по двумъ деревяннымъ каналамъ несутся изъ водоема два мощные потока воды; ея такъ много, что, помимо нихъ, по скату горы сбѣгаетъ изъ прудка цѣлая полдюжина ручьевъ. И тутъ же, сейчасъ же за мельницей, Беркамуть превращается въ широкую рѣчку сажени 3 шириною.

Холодная, какъ ледъ, лѣтомъ вода ея, благодаря быстротѣ теченія, не замерзаетъ зимой ни въ какіе морозы, и башкиры даже въ свирѣпыя декабрскія и январскія стужи ходятъ по ней босикомъ, но въ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ и багрятъ по ночамъ при огнѣ рыбы.

Съ Беркамутемъ связано любопытное преданіе. Верстахъ въ двухъ вверхъ по ущелью, за горой, подъ которой вырывается Беркамуть, расположено небольшое, заросшее по краямъ кустами и камышемъ, озеро. Дна у него, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, бичевка въ 200 сажень длиною, будто бы опускавшаяся ими съ лодки, не могла достать до дна. Однажды какой то профъзкій башкиръ вздумалъ напоить въ немъ лошадь; лошадь сорвалась, рухнула съ телѣгой въ воду и утонула. Найти ее не могли, но черезъ нѣкоторое время сломанный

хомуть съ нея выкинуло на поверхность водоема подъ горой, и съ той поры его назвали Беркамутомъ, что въ переводѣ значитъ „одинъ хомуть“.

Надо отмѣтить, что, несмотря на незначительный размѣръ озера, въ немъ водится много рыбы, и притомъ попадаются экземпляры огромныхъ размѣровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ горами въ тѣхъ мѣстахъ проходитъ весьма значительная подземная рѣка, имѣющая отдушину, въ видѣ озера, и рукава, въ видѣ источниковъ.

VII.

Пещеры.

Отроги горъ, наполняющіе всю за—Бѣльскую, восточную, часть Стерлитамакскаго уѣзда, состоятъ главнымъ образомъ изъ известняка и изъ алебаstra и весьма интересны въ палеонтологическомъ отношеніи: пещеры въ нихъ встрѣчаются въ изобиліи.

Описаніе ихъ начну съ Калчирь-Табынской волости, одной изъ живописнѣйшихъ въ здѣшнихъ краяхъ.

Тамъ, гдѣ широкій и прозрачный Зилимъ выходитъ изъ лѣсистаго ущелья на равнину, словно чудовищная стѣна, сложенная изъ разноцвѣтныхъ арокъ, выгнулась громадная гора Уклогая; чернымъ пятномъ глядитъ изъ кручи ея пещера.

На правомъ берегу рѣки, въ самомъ устьѣ ущелья, какъ бы перегороженномъ д. Ташъ-Асты, у подножія Уклогая ютится другое маленькое селеніе; домики его кажутся какими то букашками, такъ велика громада этой горы.

Подъемъ къ пещерѣ чрезвычайно тяжелъ и крутъ; все время приходится лѣзть какъ бы по карнизу, ладони въ двѣ шириною; тропку эту прерываютъ широкія полосы оползней изъ песка, мелкихъ камней или плитняка; ступишь на такую струю, и она, точно живая, потокомъ движется вмѣстѣ съ ногою внизъ; скатъ весь до земли покрытъ обломками песчаника и разноцвѣтнаго кремня. Чѣмъ выше, тѣмъ круча дѣлается все отвѣснѣе. Надъ головой, словно развалины какихъ то крѣпостныхъ башенъ, грозно уходятъ въ высъ утесы горы, раздѣленные между собою потоками изъ осыпей. Въ одномъ изъ такихъ выступовъ, какъ бы скопированныхъ природой съ башенъ Псковскаго кремля, чернѣютъ широкія ворота—устье пещеры.

Добираться до нея приходится уже цѣпляясь за каменные выступы отвѣсной стѣны; видъ изъ нея сказочный: въ овальную рамку изъ желтаго песчаника глядятъ голубое небо, островерхія горы и лѣсъ; внизу бездна, и тамъ, на днѣ ея, закрывшись свѣтлою зеленью липъ и темными дубами, блеститъ и синѣетъ Зилимъ.

Пещера эта-невысокій проходъ около сажени шириною и аршинъ двухъ вышиною; идти въ ней можно только согнувшись; сводъ вековъ понижается, и приходится ползти на четверенькахъ; пещера изгибается по плотному слою песка, еще не успѣвшему слежаться въ камень; пласты песка черезъ каждыя полъ-аршина чередуются съ пластами черныхъ кремневыхъ породъ и бураго плитняка. Въ пещерѣ холодно; боковыхъ ходовъ не попадается. Тѣмъ не менѣе чувствуется легкая тяга воздуха.

Особенно глубоко мнѣ не пришлось проникнуть въ нее, такъ какъ саженьяхъ въ ста пятидесяти отъ входа мой магній отказался служить, и мнѣ съ проводниками пришлось въ полной темнотѣ возвращаться обратно.

Пещера, по слухамъ, тянется подъ землею на нѣсколько верстъ, и всетаки до конца ея еще не добирался никто; кромѣ нея, въ горѣ имѣется много другихъ небольшихъ пещеръ.

Вся Уьлогая чрезвычайно интересна въ геологическомъ отношеніи; обрывъ ея первымъ изъ края горъ встаетъ надъ равниной и, точно открытая книга, обнажаетъ тайны земли. Страшная сила выпятила тамъ когда то къ небу, какъ арку, болѣе, чѣмъ двухсотсаженную, толщю земли и развернула страницы исторіи ея, расположенныя въ видѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ слоевъ, математически параллельныхъ другъ другу.

Долина Зилима вообще богата пещерами; самая грандіозная изъ нихъ находится близъ дачи Культамакъ, въ горѣ Сумканъ; по рассказамъ лѣсниковъ, это высокій, какъ соборъ, сталактитовый гротъ, сажень до полутораэта шириною; ходы изъ него ведутъ въ невѣдомую глубину земли.

Въ смежной—Кси-Табынской—волости пещеръ не имѣется; въ Богоявленской находится одна, описанная уже выше, въ Воскресенской горѣ, и другая—верстахъ въ шести отъ села Богоявленскаго, такъ называемая „подъ Бѣлымъ камнемъ“. Бѣлый камень этотъ ничто иное, какъ отвѣсный обрывъ горы, подъ которымъ чернѣетъ устье пещеры, имѣющей довольно значительныя развѣтвленія подъ землей.

Въ Дуванъ-Табынской волости, близъ с. Ефремкина, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, имѣется весьма большая сталактитовая пещера съ озеркомъ внутри; въ ней случались какія то находки.

Длина подземныхъ галлерей ея будто бы простирается до 25 верстъ.

Въ Кармышевской волости небольшія пещеры находятся въ двухъ горахъ, почти рядомъ встающихъ среди равнины надъ самой Бѣлой: въ Юракъ-Тау и Кушъ-Тау. Обѣ пещеры не велики, размѣромъ въ небольшую избу, и любопытны лишь

тѣмъ, что обѣ хранятъ слѣды обитанія въ нихъ въ весьма отдаленное время человѣка. Въ первой пробовала поселиться не такъ давно монашенка, но владѣльцы горы попросили ее о выходѣ; устье второй пещеры почти завалилось, и, вѣроятно, въ очень близкомъ будущемъ осѣды закроютъ ее совершенно.

Весьма интересны, между прочимъ по присутствію базальтовыхъ пластовъ, пещеры по рѣкѣ Ревзякъ въ Макаровской волости, въ мѣстахъ кочевокъ башкиръ д. Иссикѣвой; ихъ двѣ. Входъ въ первую находится въ скалѣ, саженьяхъ въ десяти надъ поверхностью рѣки; это—большой гротъ, съ потолка и по стѣнамъ котораго просачивается вода; на мѣстахъ просачиванія ея виднѣются желтовато-бурые наросты сталактитовъ.

Чтобы проникнуть дальше, надо проползти подъ визко нависшимъ сводомъ известняка; за нимъ открывается второй гротъ, еще болѣе обширный и высокій, торжественный, какъ церковь; изъ него въ разныя стороны отходятъ извилистые и узкіе, чрезвычайной вышины, корридоры.

Другая пещера находится саженьяхъ въ 200 или 300 выше по теченію рѣки; входъ въ нее—на уровнѣ съ сухимъ русломъ Ревзяка, уходящаго немного выше ея подъ землю и появляющагося снова близъ первыхъ пещеръ.

Пещеры у водоворота рѣки—это длинныя извилистыя корридоры, ведущіе въ глубь земли; мѣстами они расширяются и превращаются въ причудливыя и просторныя гроты весьма значительной высоты; развѣтвленій этихъ ходовъ нѣсколько, но я изслѣдовалъ пока, и то не до конца, за неимѣніемъ приспособленій, только одинъ, ведущій къ подземной рѣкѣ. Чтобы попасть къ ней, мѣстами приходится протискиваться въ узкую щель въ мощномъ, черномъ пластѣ базальта; ходъ спадаетъ все ниже и, пройдя заваленный камнями и стволами огромныхъ деревьевъ гротъ, приводитъ, сквозь овальное отверстіе, къ глубокому провалу, со дна котораго виденъ вправо проходъ, ведущій къ рѣкѣ; оттуда доносится глухой гулъ воды.

Весной, когда Ревзякъ превращается въ бурную рѣку, быстро несущую на себѣ цѣлыя вывороченныя съ корнями деревья, подземное русло настолько переполняется водою, что она хлещетъ изъ устья пещеры каскадомъ; водоворотъ поглощаетъ деревья, и сила напора воды такова, что ихъ выноситъ изъ-подъ земли въ пещеры и тамъ въ безпорядкѣ, съ мусоромъ и иломъ, сваливаетъ ихъ другъ на друга. Ни внести, ни вынести наружу изъ пещеры этихъ деревьевъ немислимо.

Верстахъ въ 8-ми отъ деревни Макаровой, въ узкомъ ущельѣ, по которому вьется какъ бы сдавленный отвѣсами скалъ

Верхне-Уральскій трактъ, изъ уходящаго въ небо выступа одной изъ горъ,—какъ огромный черный глазъ, глядитъ на пробѣжающихъ пещера. Входъ въ нее тоже саженей на 10 выше дна ущелья; она любопытна тѣмъ, что цѣлый рядъ пустотъ въ сплошномъ известнякѣ горы, имѣющихъ видъ то гротовъ, то шаровъ, соединенъ линіей корридоровъ, выводящихъ на вершину горы.

Въ Азнаевской волости, приблизительно въ верстѣ отъ д. Хазяново, подъ самыми зубцами вершины одной изъ горъ, словно уставленной на вершинѣ причудливыми фигурами изъ известняка, находятся цѣлые лабиринты разнообразныхъ подземныхъ корридоровъ, фантастически изукрашенныхъ новообразованиями сталактитовъ; ходы эти не высоки и расположены въ нѣсколько ярусовъ; вода въ нихъ просачивается въ изобилии и мѣстами, на небольшихъ выступахъ, образовала нѣсколько водоемовъ, величиною въ чайный подносъ.

Нѣкоторыя пещеры въ здѣшнихъ горахъ представляютъ большую опасность въ зимнее время. Къ числу таковыхъ отношу одну, находящуюся въ Воскресенской волости, близъ большого села Хлѣбодаровки, на такъ называемой „Извязной“, вѣрнѣе „Известковой горѣ“. Это—проваль, находящійся на самой вершинѣ ея, имѣющей одну сажень въ длину и аршина $1\frac{1}{2}$ въ ширину. Вообразите себѣ два графина, поставленные другъ на друга и имѣющіе отъ верхушки до дна 9 сажень, и вы поймете, что выбраться изъ такой западни не мыслимо, и что все живое, провалившееся туда, осуждено на гибель. Со дна второго „графина“, усѣяннаго костями зайцевъ, волковъ, медвѣдя и лося, идутъ въ глубь земли два довольно высокіе хода; большихъ гротовъ подъ землей девять (исслѣдованъ былъ только одинъ ходъ); въ нихъ встрѣчаются окаменѣлыя раковинки, похожія на пористыя вѣтки коралловъ, известковыя отложения, мѣстами сталактиты и очень немного горнаго хрустала.

По слухамъ, громадныя сталактитовыя и сталагмитовыя пещеры находятся вверху по Бѣлой, гдѣ то близъ Авзянскихъ заводовъ; таковы ли онѣ и имѣются ли онѣ въ дѣйствительности—не знаю, т. к. не приходилось бывать въ тѣхъ краяхъ.

Заканчиваю свою статью просьбой ко всемъ, интересующимся Уфимскимъ краемъ, сообщать мнѣ хотя бы вкратцѣ свѣдѣнія обо всемъ, что послужило содержаніемъ для настоящей статьи, по адресу: Богоявленскій заводъ, Сергѣю Рудольфовичу Минцлову.

С. Р. Минцловъ.